

ПОКА НЕ ЗАКРЫТ ЗАНАВЕС

УЖЕ наступают летние отпуска, и театральный сезон, говоря языком спортивным, финиширует. Он открыл перед зрителями новые грани самых разнообразных талантов, явлений, художественных процессов. И радостно то, что довольно часто рушились устоявшиеся представления, опровергались привычные, заранее заданные схемы.

Вот, например, бытовало мнение — мало новых спектаклей показывает Московский Художественный театр, долго готовит свои премьеры, часто опаздывает, подчас повторяет уже сделанное театральной периферией. А сегодня одна за другой премьеры Художественного театра — «Дон Кихот ведет бой» В. Коростылева, «Чти отца своего» В. Лаврентьева, «Утоление жажды» Ю. Трифонова, «Тяжкое обвинение» Л. Шейнина. Значит, нынешний театральный сезон стал в чем-то важным, рубежным для прославленного нашего коллектива. В чем же? Во-первых, в том, что МХАТ отказался от странной, но почему-то очень у нас в критике пропагандируемой точки зрения: наш драматург — не наш драматург, близкий нам литературный талант — не отвечающий театру писатель. Конечно, есть и понятие эстетической самобытности, и представление об особом творческом почерке, и определенное вкусовое единство в искусстве. Но все это категории широкие, вбирающие в себя многие стили, манеры, направления, литературные течения и театральные средства выразительности. И очень хорошо, что Художественный театр расстался с этой мыслью о непременно каком-то «своем» драматурге, вероятно, вспомнив, что Станиславский с одинаковым художественным горением ставил пьесы Леонида Андреева, «Горячее сердце» Островского и «Синюю птицу» Меттерлинка.

Сегодня на сцене МХАТа пьеса Л. Шейнина «Тяжкое обвинение». Казалось бы, сколь несочетаемы — остроумное, построенное на тугой увлекательной интриге творчество Льва Шейнина и самый психологический, интеллектуальный в мире театр. А вот они встретились без предвзятости и схематических рассуждений и — хороший зрительский успех. МХАТ (режиссер Б. Ливанов) дал пьесе Шейнина — как всегда, остро детективной — особое, углубленное прочтение характеров, а драматург помог театру обратиться к зрителям с современным разговором о доверии к человеку. «Тяжкое обвинение» во МХАТе — это поистине актерский спектакль, заставляющий вспомнить настоящие мхатовские традиции, когда лучшее наслаждение люди испытывали, видя Москвина, Книппер-Чехову, Тарханова, Хмелева. История о том, как на честного коммуниста Логинова пало тяжкое обвинение: будто когда-то, в годы гражданской войны, он был провокатором, о том, как молодой следователь сделал все, чтобы спасти доброе имя настоящего советского человека, эта история рассказана со сцены МХАТа в первую очередь актерами. И право же, заслуга режиссера в этом спектакле большая, чем только построение выразительных мизансцен. Его заслуга в создании отличного актерского ансамбля, в умении представить сегодняшнему зрителю целую галерею великодушных мхатовских художников. И лучшее достижение спектакля — мать Соломонида в исполнении А. Георгиевской. Долго ждала А. Георгиевская, подлинно характерная актриса, настоящей своей роли. Пьеса Шейнина дала такую роль. Следователь в поисках истины обращается к бывшей настоятельнице монастыря, теперь медсестре Соломониде. Маленькое сморщенное личико, злобные колючие глазки, скучный трескучий голос. А человек добрый, душа светлая. Не все старое — плохо, не все связанное с прошлым — лишено будущего. Странно, неожидан-

но, быть может. Но именно это неожиданное решение и предложил А. Георгиевская. Ее старуха не все одобряет в сегодняшней жизни, видит она недостатки острыми своими глазами, но боится она за эти недостатки, как мать, как душевный человек. И постепенно беседа с «осколком» старого мира превращается в разговор с живым современным человеком, куда более живым, увлеченным, думающим, чем иные мертвые духом молодые. Не успевает уйти со сцены А. Георгиевская, а уже ухо, глаз, сердце радуют А. Тарасова, М. Прудкин, А. Жильцов, А. Грибов — исполнители спектакля «Тяжкое обвинение».

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

не все одинаково удалось в этом спектакле. Иногда излишне многозначительны, приподняты на котурны Б. Смирнов и М. Болдуман в ролях обычных сегодняшних труженников. Неясно поведение Логинова, даже не пытающегося бороться за свою правоту. Есть в завязке пьесы и спектакля нечто искусственно нарочитое. Особенно резким диссонансом на фоне жизненного конфликта произведения выглядит деревенские сцены из этого спектакля, прикрашенные, сладкие, псевдонародные. И все же встреча театра с новым для него драматургом оказалась плодотворной.

А СТАРЕЙШИЙ русский театр — Малый — показывает пьесу совсем еще молодого литератора Валентина Блинова. Не так давно первая пьеса В. Блинова «Осенние зори» была поставлена на этой сцене, и театр не забыл своего крестника. Новая пьеса Блинова «Белые облака» также показана в Доме Островского и Щепкина. Большая честь для молодого писателя, пьесу которого к тому же ставит главный режиссер Малого театра Евгений Симонов. Но и драма Блинова не нечто компромиссное для Малого театра. В этой пьесе есть серьезные мысли о жизни и смерти, о высочайшей цене умного человеческого труда, о том, что любовь к делу, бескомпромиссное гражданское положение — это и есть существо каждодневного трудового личного подвига человека. Зрелые, серьезные раздумья. Режиссер спектакля «Белые облака», продолжая свои поиски в области современного публицистического театра, когда главное говорится прямо в зрительный зал, словно подчеркнутое красным карандашом в обычной тетрадке обычных дней и обычных забот, вынес на авансцену все монологи и диалоги центрального персонажа драмы — смертельно больного инженера. Течет жизнь, люди строят мост, завязывается и развивается любовь. Но вот наступает минута, единственная среди всех случайных минут, и словно в кинематографе, крупным планом к зрительному залу двигается лицо человека, ради которого Блинов и писал свою пьесу, человека, чьи дни сочтены, но не сосчитаны, бесчисленные мысли, мечты, желания и надежды. Светом выделен актер Г. Куликов в роли инженера Ионова. Чуть в полутьме остаются его друзья, а он один в светлой полосе, словно отделившейся реальностью от обобщений. Он говорит о том, что наша жизнь может быть измерена не возрастом, не жизнелюбием, но лишь содержанием, смыслом труда, количеством труда измеряется качество жизни. Но все же проскальзывает и зрительская тревога. Она вот в чем. Не всегда театр верит молодому драматургу, как-то побаивается оставить его один на один с залом. А ведь раз приняли пьесу, то именно она берет на себя всю ответственность сложнейшего общения с современным зрителем. И тогда уж незачем так забивать текст игрой на

гармошке, так слабировать каждый диалог развеселыми или сверхгрустными песнями, якобы спасающими незрелую драматургию...

Приблизительно также выглядит дело и в театре Советской Армии, показавшем в этом сезоне первую пьесу начинающего драматурга Е. Чертова «Есть у моря свои законы». Это отлично, что театр Советской Армии нашел и поддержал способного молодого литератора, пишущего о сегодняшних днях и делах мирного советского флота. Много хорошей выдумки продемонстрировал режиссер А. Мокин, перевода трудные, подчас неуклюже выраженные узко производственные проблемы в план

нравственных вопросов и психологических конфликтов. И все-таки остается чувство досады, когда вместо особой авторской специфики, вместо ершистых и серьезных раздумий о профессии моряка мы слышим все те же бесконечные песенки, видим все те же пляски, отвлекаемся бытовыми жанровыми сценками.

НЫНЕШНИЙ сезон богат новыми именами. Так, например, вчера еще ничего не говорящая театралом сегодня весьма примечательной стала фамилия драматурга Я. Волчка, выступившего с пьесой «Заглянуть в колодезь», поставленной во многих театрах страны. В научно-исследовательский институт приходит работать молодой ученый. Он ценит лишь науку, эксперимент — его бог, чистая наука — его цель. Директор же института, сам крупный ученый, вынужден заниматься еще сотнями необходимых организационных житейских вопросов. Молодой ученый презирает директора, опустившего до «прозы жизни». Директор поначалу видит в молодом фанатике обычного склочника. Так завязывается острый и сложный конфликт спектакля «Заглянуть в колодезь» в Московском драматическом театре (режиссер С. Баркан). Два характера, два человека стоят друг против друга в интересном исполнении Волкова и Платонова. Но самое существенное в этом спектакле — вывод, финал. Два человека, два характера перед нами. А в идеале это должен быть один характер, один человек, фанатически преданный науке и не отгораживающийся от живой жизни, прославляющий тишину лаборатории и радостно идущий навстречу многолюдному гулу собраний! Соединить две половинки, научить цельности две противоречивые части души — это и есть благородная задача спектакля «Заглянуть в колодезь».

И как всегда, в каждом театральном сезоне драматурги и театры не забывают о страшных и величественных днях Великой Отечественной войны. О них писали и будут писать наши литераторы. Еще один — двадцать первый год исторической победы над фашистской Германией — 9 мая 1966 года московская сцена встретила новыми спектаклями о той поре: «Время тревог» А. Чаковского и П. Павловского в театре имени Маяковского и «Каждому свое» С. Алешина в театре имени Ленинского комсомола. Когда-то в романе, а потом в спектакле и фильме «Свет далекой звезды» А. Чаковский нашел свою свежую, лирическую тему: женщина на фронте и мужчина, ищущий в огне сражений эту хрупкую маленькую женщину, которую он любит. Та же тема в другом конфликте снова поднята в спектакле «Время тревог» (режиссер Б. Толмазов). В этом спектакле действуют журналисты, время событий — война. Очень типичные для этого театра персонажи, очень типичное для него время действия. Фронт, газетчики, подвиги и сила души. Все это волнует и трогает.

Пьесой С. Алешина «Каждому свое» театр имени Ленинского комсомола тоже рассказывает о мужестве советских людей, выигравших историческую битву с фашизмом. Смысл спектакля — мировоззренческий поединок безоружного, взятого в плен советского Танкиста и могущественного гитлеровского маршала Гудериана, поединок, из которого победителем выходит Танкист. Режиссеры спектакля А. Эфрос и Л. Дуров и исполнители Г. Сайфуллин и А. Ширвиндт не старались передать точных картин быта, глубокого, психологического анализа характера. Их интересовало столкновение уже даже не людей: Танкист и Гудериан здесь больше категории, знаки разных общественных систем. Идея Танкиста животворна, потому что она во имя спасения Родины. Мысль Гудериана бесплодна, потому что она направлена на поработение чужих народов. И когда они стоят друг против друга — оборванный, с обожженным лицом Танкист и щеголеватый, подтянутый Гудериан, мы словно видим за ними и самые страны — истекающую кровью, но живую Советскую Россию и внешне вылощенную, но мертвую гитлеровскую Германию.

Нет возможности написать обо всех интересных спектаклях еще не законченного театрального сезона. Ясно одно — сезон разнообразен, много жанров. Он соединяет в себе и усилия опытных мастеров советской сцены и талантливые поиски молодой нашей смены. Будем ждать новых театральных успехов.

Вл. ПИМЕНОВ,
ректор Литературного института
им. А. М. Горького.

Труда, 1966, 21 мая